

К сходному приему прибегает Санги и в рассказе «Изгин», ср.: «Харнги-ру... Харнги-ру.... Пожалуй, никто в поселке на задумывался над тем, почему среднее течение у пролива называется Харнги-ру. Называется так, и все. И никому нет дела до происхождения этого названия. Харнги-ру — Озеро гагары. На заливе, и вдруг озеро! Разве может быть такое?» (далее следует пересказ легенды). Обращает на себя внимание тот факт, что и здесь Санги использует лексический повтор, который оформляется многоточием, передающим паузу: «Харнги-ру... Харнги-ру...» — здесь, как и в первом примере с «Ноглики», приводится дословный перевод топонима на русский язык в самом тексте.

Многие северо-восточные топонимы включают в свой состав наименования животных и птиц, в этом отношении «Озеро гагары» — не исключение. Во многих северно-восточных мифах, как и в мифах других народов, действующими лицами являются животные. Поэтому переложение легенд и использование фольклорных мотивов в художественных произведениях предусматривает не только определенный круг животных, но и сопровождается близкой оценкой этих мифологических действующих лиц. Ср. характеристики медведя у Ю. Шесталова и В. Санги: «Медведя не называют, а величают иносказательно: „он“. И не говорят „убили“, а „низвели“. Услышит медведь — обидится. Зачем обижать родственников?» (Ю. Шесталов. «От загадки к искусству»); «Еще совсем недавно нивхи говорили о медведе только почтительно. „Мок — добрый“ — вот как называли его взрослые при детях, утверждая этим посредничество медведя между землянами и таинственным всемогущим, от которого якобы зависит благополучие людей» (В. Санги. «Последняя дань обычаю»). Представление о росомахе как о хитром и коварном существе находит отражение в повести Рытхэу «След росомахи»; аналогичное представление, почерпнутое из мансийского фольклора, дает Шесталов в ряде произведений, в том числе «Тайна Сорни-най»; тождественный признак ложится в основу уподобления человека животному у Ходжера, например: «Пиапон, сын мой! Зачем ты только доверился этому человеку-росомахе?»; «У этого торговца совести нет, он не человек, он хуже росомахи» («Амур широкий»).

Использование фольклора в произведениях писателей-билингвов — один из актуальных вопросов современной филологии. Если эта проблема в области литературоведения разрабатывается в сравнительно-сопоставительном плане, в аспекте отражения и трансформации фольклора в отдельных произведениях и в плане анализа индивидуального творчества [см., например, 15]², то в лингвистике на материале произведений писателей-билингвов эти вопросы пока не исследуются. А между тем многие стороны данной проблемы как раз и связаны с изучением поэтики художественной двуязычной литературы. К числу наиболее сложных проблем, связанных с взаимодействием современных национальных литератур с фольклором, может быть отнесена проблема стилизации.

В этом отношении известный интерес представляет одно из последних произведений Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря», посвященное Владимиру Санги. События, описываемые в «Пегом псе», хронологически близки, по-видимому, событиям, изложенным в романе Санги «Женитьба Кевонгов». В своем произведении Айтматов как бы переключается на мироощущение и мировосприятие нивхского мальчика-подростка, используя при этом лексику и антропонимику нивхского языка, употребляя крылатые нивхские выражения. Ср.: «Жители охотского побережья любят большие лодки. „О-о, хорошая лодка, — говорят они и тут же поясняют: — Три лахтака и еще две нерпы можно погрузить“» (В. Санги. «Женитьба Кевонгов»); «Я люблю тебя и верю тебе, брат мой каяк, — говорил он лод-

² Проблемы трансформации и отражения фольклора в индивидуальном стиле писателя рассматриваются В. М. Гацаком на примере романа-дилогии И. Друцэ «Бремя нашей доброты» [см. 16].